

17. Индова Е.И. Урожай в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII-XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. М., 1970. С. 145.
18. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV-начало XVI века. Л. 1971. С. 50.
19. Рассчитано по: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 270. Табл. 49; Щепетов К.Н. Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. М., 1947. С. 286. Табл. 1. Цены: Миронов Б.Н. Указ. соч. Приложение. Табл. 1.
20. Наш расчет, опирающийся на данные И. А. Булыгина (см. Булыгин И.А. Указ. соч. Табл. 4, 5, 6, 10а, 10б, 11, 12).
21. Заозерская Е.И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века//О первоначальном накоплении в России. М., 1958. С. 157,160.
22. История крестьянства России... С. 18; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века. М., 1977. С. 191.
23. Петрова Е.Л. Патриаршие крестьяне в конце XVII - первой четверти XVIII века. Дисс. ... канд. ист. н. М., 1995. С. 8; Слесарчук Г.Н. Хозяйство и крестьяне Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII века. Автореферат. дисс... канд. ист. н. М., 1955. С. 9.
24. Бакланова Е.Н. Указ. соч. С. 16; История крестьянства России... С. 19.
25. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX в. М., С. 159. Табл. 17.
26. Заозерская Е.И. Указ соч. С.160.
27. Троицкий С.Н. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.,1966. С. 118.
28. Цит. по: Заозерская Е. И. Указ соч. С. 167.
29. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 1.
30. Там же. С. 112.
31. Милоков П.Н. Указ. соч. С. 152, 161, 164-165, 363; Козинцева Р.И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII века//Исторические записки. 1973.Т. 91. С. 327-328.
32. Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. М., 1993. С. 475.
33. Там же. С. 552.
34. Там же. С. 553; Троицкий С. Н. Указ. соч. М.,1966. С. 127.
35. Павлов-Сильванский Н.П. Сочинения. Т. II. СПб., 1910. С. 379; Анисимов Е.В. Материалы комиссии Д.М. Голицына о подати (1727-1730 гг.)// Исторические записки. 1973. Т. 91. С. 339.
36. Там же, табл. 1; С. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XI. М., 1993. С. 148.
37. Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. М., 1980. С. 108.

Ольшанский Д.А.

От структурализма нарцотологии: современные исторические парадигмы

Современная историческая наука находится в непростой ситуации. Проблема переосмысления методов исторического исследования впервые ставится еще модернистам. Отношения модерна с предшествующей (классической) традицией весьма неоднозначны. Модернизм претендует на определенное идеологическое сиротство, равно как и на оригинальность и универсальную значимость высказываний. В конечном счете, модерн не только стремится к отрицанию классической истории и всех классических ценностей, как это предлагает Ницше, Фрейд и Маркса, но и к их забвению. Модерн как движение за господство «нового», полагает слабость предшествующих течений, и, в конечном счете, стремится к преодолению и переосмыслению классики. Ницше пишет: «Таким образом, жить почти без воспоминаний, и даже счастливо жить без них, вполне возможно, как показывает пример животного; но совершенно безус-

ловно невозможно жить без возможности забвения вообще» (1). Фигура забвения также оказывается центральной и для современных форм модернизма, критика идеологии строится на ее отрицании и ориентирована на ее забвение, как критика Бодрийера в адрес Фуко. Однако и проект забвения оказывается незавершенным проектом. Такие же мотивы забвения истории мы находим и в религиозной философии С.Л.Франка: «Старые боги постигнуты и развенчаны, как мертвые кумиры, но откровение новой истины еще не явилось в человеческой душе и не захватило ее» (2). В данном случае он также говорит о бессилии прошлых традиций над современной жизнью, хотя далее Франк полагает, что и современная традиция понимания истории также бессильна перед единственной над-исторической силой, то есть верой.

Классическая история всегда претендовала на то, чтобы быть объективной наукой, стремилась к объективному знанию о прошлом, намеревалась достоверно говорить о недоступных нам событиях. С другой стороны, история никогда не скрывала (и это вызывает уважение) своих метафизических оснований. Парадоксальным образом история авторитетно рассказывала о том, чего нет в настоящем, о том, что нельзя проверить непосредственно. В этом смысле, предмета истории не существует, т.е. предмет истории – это прошлое, которое является недоступным для непосредственного восприятия. Следовательно, историк всегда имеет дело лишь с посредниками (письменными источниками, устными свидетельствами, данными археологических раскопок, которые с некоторой уверенностью называют фактами), которые указывают на прошлое, но никогда не имеет дело непосредственно с предметом всего исследования. Кроме того, историк никогда не довольствовался простым пересказом полученных им данных, констатацией тех фактов, которые стали ему известны, он всегда брал на себя если не роль судьи, то, во всяком случае, роль интерпретатора, тем самым, окончательно делал прошлое экспонатом современной исторической науки, отодвигая первоначальное содержание прошлого еще дальше. Все, что сказано историком, получено им из вторых, а то и третьих рук. Историк никогда не работает как лингвист или философ, которые не только находятся внутри изучаемого ими предмета, но и непосредственно принадлежат языку или сознанию. Кол скоро историк никогда не видел того, о чем он пишет, его работа представляет собой постоянное домысливание, основанное только лишь на интуиции и вере в истинность собственного метода. Историк, в этом смысле, подобен антропологу, переводчику или поэту, каждый из которых должен находиться в ином языковом поле: внутри культуры чужого народа (как антрополог), иностранного языка (как переводчик) или в метафорическом пространстве, не свойственном обыденному языку (как поэт). Подобно тому как переводчик, основываясь на собственной интуиции, использует близкое по значению выражение в языке А, если пословица не перево-

дится дословно с языка В, так же и историк находит адекватное современному состоянию науки объяснение событиям прошлого, так как дословно они не переводятся. Поэтому историк, как и антрополог, как и поэт, как и переводчик (если следовать пословице), всегда врет.

В XX веке роль и место историка существенно изменились. В эпоху модернизма работа историка стала схожа с работой писателя, который не только озабочен вымыслом новых реальностей, но и заинтересован в том, чтобы его вымысел был интересен читателю. Историк сам находит проблему, которая, по его мнению, окажется интересной для круга его читателей и решает ее таким образом, каким это будет наиболее интересно для читателей. Ведь развитие современных гуманитарных наук достигло такого уровня, что современный историк не может отделаться простым пересказом фактов и цитированием неизвестных ранее архивных данных, сегодня от него требуют уже захватывающего повествования и виртуозности литературного языка. Это лишний раз указывает на то, что фигура историка как творца новых миров сродни фигуре писателя. Поэтому в современной литературе (в отличие от конца XIX в.) не существует принципиальной разницы между беллетристической fiction и non-fiction.

Несмотря на то, что Рикёр полагает принципиальное отличие между историческим временем и временем вымысла, он все же полагает, что «временные способы существования в мире действительно остаются воображаемыми в той мере, в какой они существуют только в тексте и посредством текста» (3). Всякое повествование (в том числе и историческое) несет печать вымысла, ибо всякая история предстает как рассказ одного человека о событиях прошлого. При этом исторический факт, на который может ссылаться этот рассказчик, сам по себе оказывается молчалив, поэтому за него начинает говорить историк, и речь его, в этом случае, становится речью писателя. Если речь ученого напоминает речь хозяина, знающего подлинное назначение, место и цену вещам, о которых он говорит, то речь историка всегда обнаруживает родство с речью ребенка, рассуждающего о функциях той или иной вещи взрослого мира. Поэтому я полагаю, что работа историка состоит в создании новых миров, есть вымысел, сходный с фантазией писателя. Тот факт, что историк сам находит предмет и метод своего изучения (ибо структурализм предлагает богатое разнообразие этих методов), при этом вырабатывает свой собственный стиль повествования, и дает мне право называть историка творцом новых миров. Языковое пространство в исторических работах М.Фуко вряд ли можно спутать с повествованием Ф.Броделя или М.Блока.

Современная структуралистская история разрешила ряд стереотипов, в которых жили историки прошлого, на смену которым пришли новые структуралистские стереотипы. Прежде всего, это представление о том, что прошлое можно объяснить из настоящего, так как сегодня мы знаем много больше, чем знали люди раньше, следовательно, мы можем знать о

причинах и последствиях тех или иных событий в прошлом, следовательно, мы можем говорить об ошибках в истории, и можем построить наиболее удачную модель развития событий; мы имеем право судить о том, как события прошлого повлияли на наше настоящее; наконец, на основании этих знаний, мы можем, так или иначе, прогнозировать будущее.

Итак, история сегодня отказалась от идеи социального прогресса, столь популярной в классической науке (4). Структурализм продемонстрировал, что господство внешнего над внутренним так же иллюзорно, как и господство внутреннего над внешним. Иными словами, полагать, что социальные условия определяют жизненный мир человека (что пытались доказать французские материалисты) также неправомерно, как и полагать, что элементы психики отдельного человека способны изменить судьбы народов (что пытался доказать Э.Фромм на примере Гитлера). Идея в феноменологии времени чуть дальше Бл.Августина, можно сказать, что настоящее также является иллюзией, подобно тому как прошлое и будущее представляют собой ряд историй, которые люди рассказывают друг другу, чтобы беречь себя от опасностей, которыми грозит неизвестность. Но и настоящее – это тоже кипа историй, многоголосие которых не звучит ансамблем, что не позволяет говорить нам о завершенности настоящего. Если с легкой руки Фукуямы был положен предел истории, то попытка Бен Ладена положить конец настоящему не увенчалась успехом. Каким бы противоречивым ни казалось нам наше настоящее, мы должны признать, что, хотя оно у каждого свое, но это единственное, что мы имеем, а значит, мы в ответе за него. Настоящее, конечно, не заслуживает того, чтобы его усыновили, но его необходимо принять таким, каким мы сами захотим его видеть. Каждый в ответе за свой мир, за свою реальность, в которой он живет.

Историки сегодня понимают, что, несомненно, следует исходить из настоящего и в него необходимо возвращаться. Ведь только с настоящим имеет дело история, а трансцендентный прорыв к прошлому просто невозможен, ибо прошлое (если оно вообще существовал) настолько чуждо нам, что мы не сможем его понять. Если бы прошлое говорило (хотя бы на другом языке), оно проблема состоит в том, что оно вовсе молчит. И молчание это подобно молчанию ребенка, находящегося по ту сторону в том, что оно вовсе молчит. И молчание это подобно молчанию ребенка, находящегося по ту сторону речи. Поэтому историк обречен на воспитание прошлого, которое следует научить говорить на нашем языке. Оно заговорит, но при этом утратит идентичность, т.е. станет настоящим, подобно тому как, обретая речь, ребенок утрачивает животную целостность и становится частью размыкающего символического мира. Прошлое находится по ту сторону настоящего, поэтому, говоря о нем (в настоящем), мы убиваем его, превращая подручную вещь в музейный трофей.

Структуралистская история полагает, что, используя наши современные представления невозможно понять прошлого именно в силу того, что современная нам культура, язык и мышление принципиально отличается от культуры, языка и мышления наших предков, поэтому история всегда неизбежно занимается современностью, ибо современными методами исследует современное представление о событиях прошлого.

Приведу простой пример. Хорошо известно современное значение слова «раб», в наиболее общем смысле, это безвольный человек, который принужден работать на другого. Более того, мы имеем некоторое представление о рабстве вообще: в древнем мире и в современных обществах. На основании всех этих знаний мы конструируем некоторое общее представление о роли рабства, его функциях в обществе. Однако ряд фактов говорит нам о том, что некоторые рабы в Древнем Риме (не имея личной свободы) были очень богатыми людьми, даже более состоятельными, чем их хозяева. Некоторые из них были даже банкирами и дарили городам акведуки. Несомненно, в сознании образованного человека вряд ли пересекаются понятия «раб» и «банкир», нам сегодня очень сложно представить, что раб может быть банкиром. Следовательно, представления о рабстве в Риме были отличными от наших современных представлений. Можно ли, в таком случае, рассказать о рабстве в Риме, используя хорошо всем известное слово «раб»? Более детальный анализ дает понять, что представления о собственности, богатстве, знании, свободном времени и пр. в Риме также были принципиально отличны от наших современных представлений. Коль скоро, даже в таких простых вещах как рабство и богатство обнаруживается радикальное отличие между нашими системами ценностей, можно ли тогда с уверенной однозначностью судить об общественных институтах и внутренней и внешней политике Рима.

Главное заблуждение классического историка состояло в том, что он был более озабочен общими (и весьма абстрактными) вещами, такими как экономика, политика, религия, при этом реальная жизнь конкретного человека: его психология, ценности, язык, жизненный мир, - оставались за границами классической истории. Такая история всегда была музееведением, т.е. описанием экспонатов, у которых нет хозяина. В классическую эпоху в центре бытия был Логос, «вследствие чего бытие конкретного субъекта оказывается забытым, отклоненным, вытесненным», (5) – пишет Деррида. История занималась коллекционированием потерянных предметов, которые не имеют места ни в прошлом, ни в настоящем. Но подлинная история – это история людей, а не общественных институтов. Некоторые работы в этой области ведутся современными учеными-антропологами (в частности, Карло Гинзбург), но не историками. И эта подлинная история, вероятно, никогда не будет написана, так как познавать прошлое всегда будут из настоящего, которое не менее иллюзорно, чем прошлое. Парадокс состоит как раз в том, что история (как и всякая

другая область знания) имеет дело лишь с современностью, а претендует на то, чтобы иметь дело с прошлым.

Возвращаясь к проблеме, заявленной Ж.Деррида, следует сказать, что наиболее интересна, поэтому история идей и понятий, поскольку именно анализ языковых структур может помочь нам понять образ мышления людей прошлого, что намного более важно, чем абстрактный анализ политических отношений. Дело даже не в том, что всякое историческое исследование довольствуется посредником (в лучшем случае, письменным источником), который, несомненно, искажает первоначальный смысл, и не в том, что мы никогда полностью не узнаем бесписьменной культуры (каковой была, например, русская народная культура). Все попытки изучения русской народной культуры по записям устного народного творчества, изучению быта и т.п. подобны попыткам восстановить Александрийскую библиотеку или исследовать бесписьменную философию Сократа на основании диалогов Платона. Реальная проблема заключается в том, что, даже имея под рукой богатейший архивный материал, мы не можем доподлинно быть уверены в том, что понимаем смысл написанного, так как не знаем (и вряд ли узнаем) психологию, систему ценностей, сознание и жизненный мир того человека, который написал этот текст. Иными словами, мы вряд ли сможем вписать имеющиеся у нас факты в действительный контекст сознания человека прошлого. Историк вряд ли сможет увидеть за музейным экспонатом руку хозяина.

1. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.1. М., 1997. С.162-163.
2. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. М., 1992. С.16-17.
3. Рикёр П. Время и рассказ. Конфигурации в вымышленном рассказе. Т.2. М.; СПб, 2000. С.14.
4. Ольшанский Д.А. Постиндустриальная социальность и современная политика диалога // Социальная политика социального государства. Материалы конференции 4-6 октября 2001. Нижний Новгород, 2002. С.160-163.
5. Derrida J. La Difference // Theorie d'ensemble. Paris, 1968. P.67.

Павлов И.В.

«Рабочий вопрос» на Нижнетагильском металлургическом заводе (НТМЗ) во второй половине XIX в.

Отмена крепостного права в 1861 г. повлекла за собой серьезные сдвиги в Российском законодательстве. На одно из основных мест после реформы вышел так называемый «рабочий вопрос», требовавший урегулирования отношений заводовладельцев и работников наемного труда. Существенные пробелы в законах приводили к тому, что собственники предприятий самостоятельно решали все вопросы, связанные с распорядком работ, условиями труда и его оплаты. К тому же вторая половина XIX в. была ознаменована чередой кризисов уральской горнозаводской